

УДК 930.9:327

ББК 63.3(0)5-6

Образ России и русских в сочинении Жака Маржерета

В.Н. Козулин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Image of Russia and the Russians in the Work of Jacques Margeret

V.N. Kozulin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируется образ России и русских в сочинении французского капитана Маржерета, служившего в России наемником во время Смуты начала XVII в. Исследования на эту тему до сих пор не было в научной литературе, хотя книга Жака Маржерета неоднократно переиздавалась, существует немало исследований о нем. Проблема рассматривается с точки зрения исторической имагологии, освещаются обстоятельства написания книги, различные влияния, ставится вопрос о существовании «стереотипов о стереотипах», т.е. предрассудков, или определенных тенденций в отношении к высказываниям Маржерета в литературе о нем.

Выводы состоят в следующем: 1) книга Маржерета содействовала углублению представлений французского общества о Московском государстве; 2) она, в целом, содержит много объективных сведений об этой стране, хотя и не лишена противоречий, субъективных и эмоциональных оценок; 3) в книге присутствует как минимум одна главная политическая тенденция — убеждение автора в отсталости тогдашней русской культуры по сравнению с другими европейскими культурами и симпатия к тем, кто, по его мнению, нес «цивилизаторскую» миссию в отношении нее.

Ключевые слова: национальный образ, историческая имагология, франко-русские связи, Ж. Маржерет.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-24

В исторической науке уже давно стало популярным имагологическое направление исследований, т.е. изучение представлений различных народов друг о друге [1, с. 31]. Зародившись в рамках сравнительного литературоведения в странах Западной Европы еще в середине XX столетия, имагологический подход со временем стал использоваться во многих гуманитарных науках (см.: [2–5]; ср. также: [6, с. 158; 7, с. 93]).

В отечественной науке интерес к имагологии проявляется примерно в последней четверти прошлого

The article analyzes the image of Russia and the Russians in the book of French Captain Jacques Margeret, who served as a mercenary in Russia in the Time of Troubles in the early 17th century. Research on the subject is missing in the scientific literature, although Margeret's book was reprinted several times and there are many studies about it. The problem is considered from the standpoint of historical imagology, The emphasis is made on the circumstances of writing of this book, various influences. The author raises the question of the existence of "stereotypes of stereotypes," i.e. prejudices, or certain trends in relation to Margeret's opinions in the literature about him. The conclusions are as follows: 1) the book of Margeret has contributed to the deepening of perceptions of Muscovy in the French society; 2) in general, it contains much of objective information about the country, although not without controversy, emotional and subjective ratings; 3) in this book there is at least one major political tendency — the belief of the author in the Russian cultural backwardness in comparison with other European cultures and sympathy to those who, in his opinion, had a "civilizing" mission towards Russian people.

Key words: national images, historical imagology, Franco-Russian relations, J. Margeret.

века. В одном из первых исследований, посвященных становлению этого направления в отечественной историографии, О.С. Поршнева [8] справедливо называет у его истоков Л.А. Зака [9], который впервые проанализировал в основном американскую научную традицию «имэджинологии» (imaginology) и показал возможности применения ее методов в исследовании международных отношений. Однако при этом важно упомянуть также другого отечественного ученого — Н.А. Ерофеева, в одной из работ которого, пожалуй,

впервые в нашей литературе встречается изобретенный французскими литературоведами термин «имагология» и довольно подробно рассматривается западная историография этого направления [10, с. 7–23]. В частности, исследователь точно подмечает специфику имагологии, говоря, что в центре ее внимания находится «социальная функция [этнических] представлений, их природа, происхождение и т.д.» [10, с. 10].

«Имагологическая» историография насчитывает уже огромное количество исследований на разных языках. С 1992 г. в Амстердаме выходит в свет периодическое издание «*Studia Imagologica*» [11]. В последние десятилетия появилось немало исследований взаимовосприятия народов на русском языке. Интерес отечественных исследователей, конечно, в значительной степени коснулся и проблемы восприятия народов России. Рассмотрение обширной историографии этой темы — предмет отдельного большого исследования, в данной статье это вовсе не входит в наши задачи.

Задачей этой статьи является рассмотрение с использованием имагологического подхода одного достаточно хорошо известного исторического источника — сочинения о России французского военного наемника, участника и очевидца событий Смутного времени Жака Маржерета (1607 г.). В этом смысле статья является продолжением наших предыдущих исследований — на тему взаимовосприятия русскими и французами друг друга в допетровскую эпоху [12–13].

Все, что известно о биографии Маржерета и его участии в событиях русской Смуты, достаточно подробно освещено в историографии, начиная по крайней мере с истории Карамзина, благодаря которому он попал в число действующих лиц трагедии Пушкина «Борис Годунов», а затем и в одноименный фильм Сергея Бондарчука. Без обращения к книге Маржерета не обошлось ни одно сочинение по истории Смуты, в том числе исследование знаменитого французского писателя Проспера Мериме [14]. Нет смысла перечислять всех историков, анализировавших записки французского солдата. Но стоит отдельно отметить не столь многочисленные в историографии работы, посвященные исследованию западноевропейской Россики, в которых достойное место отводится Маржерету (подробнее всего его труд анализируется в работах Ф.П. Аделунга и М.А. Алпатова ([15, с. 10–26; 16, с. 27–35]; ср.: [17–18]), а также работы, тоже не слишком многочисленные, посвященные ранним этапам русско-французских дипломатических и культурных отношений [19; 20, с. 245–296; 21–23; 24, р. 56–72; 25, р. 423–433] (см. также: [12, с. 86, прим. 21–25]). Если не считать предисловий, статей и комментариев, приводимых в различных изданиях Маржерета, на сегодняшний день существует только одна специальная статья о нем и его сочинении, принадлежащая перу американского ученого Честера Даннинга [26], с примечательным заглави-

ем — «Когда один француз заново открыл Россию», и еще одно филологическое исследование об особенностях владения Маржерета русским языком (в котором справедливо говорится, что он выучил только русский устный, а русского письма не знал) [27].

Книга Маржерета, полное название которой звучит как «Состояние Российской империи и великого княжества Московского с описанием всего достопамятного и трагического, случившегося в правление четырех императоров, а именно с 1590 по сентябрь 1606 года», выдержала множество изданий. Как пишет один из исследователей Ф.П. Аделунг, первое издание, после известия о нем, помещенного во втором томе «*Mercur de France*», удостоилось такого внимания французов, что его скоро невозможно было достать и для того, чтобы сделать переиздание в 1669 г. с трудом нашли единственный экземпляр, сохранившийся у одного из родственников Маржерета [15, с. 11–12]. Всего известно семь французских изданий (1607, 1669, 1821, 1855, 1866, 1946 и 1983 гг.) (подробнее об изданиях см.: [28, с. 16–40; 15, с. 11–12; 18, с. 4]), последнее из которых озаглавлено весьма эффективно: «Мушкетер в Москве. Мемуары о первой русской революции 1604–1614 (sic!) гг.» [29] и даже переиздано на испанском языке ([30]; см.: [28, с. 39, прим. 58]). К тому же 1983 г. относится и первое фундаментальное издание Маржерета на английском языке, предпринятое Ч. Даннингом [31].

Первый перевод на русский язык сочинения Маржерета был сделан профессором Санкт-Петербургского университета Н.Г. Устряловым в 1830 г. [32] и с тех пор неоднократно переиздавался. Полный модернизированный текст этого перевода издан в 1913 г. [33]. Новый более современный перевод был осуществлен в издании Ю.В. Лимонова и Т.И. Шаскольской только спустя полтора века после первого ([34]; см.: [28, с. 30]) и впоследствии переиздан в антологии западноевропейской Россики XV–XVII вв., составленной тем же Ю.В. Лимоновым [35, с. 225–286]. Наиболее полное и качественное издание Маржерета на русском языке появилось десять лет тому назад. Оно выверено по парижскому экземпляру издания 1607 г. (из Национальной библиотеки Франции), содержащему более десятка неучтенных в прежних изданиях маргиналий [28]. Рукопись книги, по-видимому, утеряна [34, с. 37–38]. Во всех новых русских изданиях Маржерета приведено его «Предуведомление к читателю» из первого издания книги, почему-то опущенное почти во всех переизданиях, в том числе в считавшемся ранее наиболее авторитетным французском издании Анри Шеврёля (1855 г.).

Жак Маржерет (в современной фонетической традиции передачи иностранных имен — Маржере) родился между 1650 и 1660 гг. в городе Оксон на границе Бургундии и тогдашней провинции Священной Римской империи Франш-Конте. Он происходил из протестантской семьи и участвовал в религиозных войнах на стороне гугенотов и будущего короля Генриха IV.

Маржерет представлял собой типичного солдата-наемника этой беспокойной эпохи, ремеслом которого была война. Таких людей было много в войнах столетия, особенно во время Тридцатилетней войны. После победы Генриха Наваррского наш герой уехал воевать на Балканы против турок, служил в армии императора в Венгрии, затем польскому королю и наконец нанялся на службу, по его выражению, к русскому императору Борису Годунову и участвовал в войне против Лжедмитрия. После вступления последнего в Москву Маржерет перешел к нему на службу и стал начальником одного из отрядов дворцовой гвардии в чине капитана.

После убийства Лжедмитрия в 1606 г. он уехал через Архангельск во Францию, где издал свою книгу, потом вернулся в Россию и опять поступил на службу к Лжедмитрию II, а затем к гетману Жолкевскому и участвовал в разорении Москвы. Осенью 1611 г. Маржерет уехал в Англию, затем во Францию, но его почему-то все время тянуло в Россию, и уже в мае следующего года, находясь в Гамбурге, он написал князю Дмитрию Пожарскому письмо с просьбой принять его на службу, но получил категорический отказ. Советский историк Г.Г. Жордания полагал, что Маржерет, наряду с некоторыми англичанами,

лелеял агрессивные планы (в частности, по захвату Архангельска) [19, с. 297–370], но Ч. Даннинг опровергает это утверждение, основанное, по его словам, на неверном истолковании источников ([26, р. 349, note 86]; ср. [36, с. 240]), хотя и не исключает возможного присоединения Маржерета к английскому «плану определения севера России под покровительство протестантского короля Якова I». По словам Ч. Даннинга, этот француз на самом деле не был «врагом России» и искренне пытался помочь ее борьбе с польскими католиками, поскольку сам оставался протестантом, а потому держал дружбу с такими же протестантами англичанами [26, р. 349]. Последние годы Маржерет проживал в основном в Польше и Германии. Известно также, что он служил князю Янушу VI Радзивиллу, литовскому кальвинисту, который в 1620 г. отправлял его с поручением к английскому королю Якову I [26, р. 350, note 92]. В том же году этот Радзивилл умер, и сохранилось гарантийное письмо (вексель) его сына Христофора Радзивилла от 1621 года по возмещению Маржерету расходов на поездку в Англию [28, с. 406–408]. Неясно, что случилось с Маржеретом после этого времени, где он жил и кому служил: больше упоминаний о нем не встречается.

«Ich Jacob Margeret Capitain sub Keiserliche Ma[jes]^{teit} Begnadigung empfang[en habe]»
(«Я, Яков Маржерет, капитан, вознаграждение императорского величества получил»).

Собственноручная расписка Ж. Маржерета в получении царского жалованья, на немецком языке [36, с. 464]

Рассматривая сочинение Маржерета с имагологической точки зрения, важно уяснить обстоятельства его написания, попытаться понять, что подвигло автора к этому прежде всего, на какую аудиторию он ориентировал свой труд. Этот вопрос уже отчасти освещен в работах П.О. Пирлинга [37, с. 180–194] и Г.Г. Жордания [19, с. 241–244]. Следует напомнить, что Московское государство начало интересоваться Генриха IV в рамках его (или, точнее, его министра герцога Сюлли) амбициозного внешнеполитического «Великого замысла», главной идеей которого было создание союза европейских государств под эгидой Франции. Про Московию, или «Великую Россию» в этом проекте было сказано: «Эти огромные земли, имеющие не менее шестисот лье в длину и четырехсот в ширину, населены в значительной части идопоклонниками, в меньшей части — схизматиками, как греки или армяне, но с тысячью суеверных обычаев, которые лишают их почти всякого сходства с нами. Помимо этого они принадлежат Азии

столько же, сколько и Европе, и их следует рассматривать почти совершенно как варварскую страну и относить к тому же роду, что и Турцию, хотя уже пятьсот лет мы числим их среди христианских держав». Сюлли предполагал, что «если великий князь (gran duc) Московский, или царь (czar) России, который, как говорят, был древним князем (knés) Скифии, откажется войти в ассоциацию после того, как это будет ему предложено, с ним следует обращаться как с турецким султаном — лишить его владений в Европе и отодвинуть в Азию, где он мог бы, без нашего вмешательства, столько, сколько ему будет угодно, продолжать войну, которую постоянно ведет против персов и турок» ([38, р. 247–251]). Таковы были тогда у французов приблизительные представления о далекой Московии. К этому можно добавить, что известный писатель Франсуа Рабле ставил «московитов» на одну доску с «безбожными турками, евреями, татарами, мамелюками и саррабовитами» [39, с. 513].

С появлением на исторической сцене Лжедмитрия его личность, по словам П. Пирлинга, «поразила Генриха IV и приковала к себе его внимание». По-видимому, Генрих IV находил в его борьбе за русский престол (законным наследником которого он себя выдавал) сходство с своей собственной судьбой. Основным поставщиком сведений о Лжедмитрии и в целом о русских делах во Францию был французский выходец на польской службе Жан де Ла Бланк, передававший эти сведения послу Франции в Венеции Филиппу Кане де Френу. Именно заслугой этих двух людей можно считать, по словам ученого, «подготовку, хотя и не умышленную» сочинения Маржерета о России. Депешами Кане была возбуждена любознательность Генриха IV и желание ближе познакомиться со страной, где происходили такие загадочные события» [37, с. 193–194]. В результате король проявил большой интерес к вернувшемуся в конце 1606 года из России капитану Маржерету, внимательно выслушал его и поручил письменно изложить все, что тот узнал про Московию, о чем последний сам сообщает в обращении к королю в начале книги. Вероятно, что капитан во время пребывания в России вел какие-то записи (а некоторые исследователи даже предполагают, что он уже «в основном подготовил текст» до приезда во Францию [28, с. 16]), поскольку издание заказанной книги было осуществлено в крайне сжатые сроки: в середине сентября 1606 г. автор был еще в России, а в марте 1607 г. он уже получил привилегию на издание книги. Существует, однако, и точка зрения, что сочинение было написано наспех весной 1607 г. [29, р. 33].

Как уже отмечалось, в литературе отсутствуют специальные исследования сочинения Маржерета, тем более с имагологической точки зрения. Можно встретить различные, подчас противоположные, оценки его тенденций. Одни исследователи отмечают предвзятость в отношении русских [36, с. 241–242; 16, с. 30; 40, с. 44–45; 34, с. 31; 41, с. 335]. Так, по словам известного советского историка М.А. Алпатова, Маржерет «не говорит ни об одной хорошей черте русских». Другие утверждают, что он скорее симпатизировал русским [42, с. 182; 43, с. 147–149, 155–156, 463–468], а один французский исследователь даже находил в некоторых маржеретовских описаниях России черты утопии: «Это описание страны Кокань», — замечает он [25, р. 430]. По словам автора популярных книг «Мифы о России» В.Р. Мединского, Маржерет «честен, разумен, справедлив... Было бы странно, если бы Маржерет описывал русских как пьяниц и негодяев» [43, с. 156]. Справедливости ради заметим, что именно так «странно» тот и поступает, называя русских «народом до крайности ленивым, подверженным пьянству, как нельзя более невежественным, лживым, без веры, без закона, без совести, содомитами» и т.п. ([28, с. 50, 57, 108, 122, 128; 182], ср.: [34, с. 147, 154–155, 213; 36, с., 253, 260, 313]).

Совершенно противоположного В.Р. Мединскому мнения о Маржерете придерживалась советская историография. Вот как характеризовал его, например, известный историк и один из издателей его сочинения Ю.А. Лимонов: «Офицер-наемник, энергичный, неглупый, ловкий, храбрый и в то же время жестокий, беспринципный, жадный, презирающий какие-либо моральные правила, Маржерет был истинным порождением своего века — страшного и беспощадного...» [35, с. 9]. В дореволюционной отечественной историографии, как правило, придерживались более мягкого взгляда на Маржерета. Его первый переводчик Н.Н. Устрялов отмечал, что несмотря на то, что «иногда неумышленное неведение, иногда предрассудки... заставляли его быть несправедливым к нашим предкам», он «умел ловить самые резкие черты и живо описывать, что видел», и многие его известия «так верны и выразительны, что и в наше время они украсили бы сочинение образованного путешественника» [36, с. 241–242]. Похожую оценку давал известный русский историк С.Ф. Платонов, который так говорит о Маржерете: «Владея не только шпагой и мушкетом, но и пером, он оставил любопытную и умную книгу с описанием московских событий» [44, с. 43]. По поводу владения пером, кстати, в историографии тоже существуют различные мнения. Н.Н. Устрялов считал, что «судя по слогу, автор никогда не беседовал с музами» [36, с. 241], Ф. Аделунг тоже отмечал простоту и незамысловатость авторского слога, показывающего «старого солдата, которого только обстоятельства сделали писателем» [15, с. 26].

Все сказанное позволяет поставить вопрос уже не столько о тенденциях восприятия России и русских у Маржерета, сколько о тенденциях восприятия его самого и его сочинения (равно как и многих других сочинений иностранцев о России) в литературе. При этом остался открытым вопрос: так как же все-таки нам следует рассматривать сочинение Маржерета?

Для того чтобы выстроить правильный (с точки зрения имагологии) взгляд на его труд, следует, на наш взгляд, отрешиться прежде всего от этих «стереотипов о стереотипах» и попытаться взглянуть на него с точки зрения современника-француза. Ведь любое сочинение, содержащее образы *Другого*, столько же, если не более, говорит о *Своем*, отражает те мысли и идеи, которыми живет автор и его страна и эпоха. Рассматривать образ России и русских в сочинении Маржерета также стоит соотнося его с другими современными представлениями. И если мы это будем делать, то сразу все становится на свои места.

Как уже отмечалось выше, Россия в этот период живо интересовала французов и лично короля Генриха IV. Отдельно его, видимо, интересовала личность и деятельность Лжедмитрия. Что же нового привнес Маржерет в представления французов о далекой Московии? Первое, что бросается в глаза в самом начале его сочинения, это

опровержение бытовавшего (см. выше) образа русских как «совершенных варваров, схизматиков, не имеющих почти никакого сходства с нами». Вообще-то, весь труд Маржерета в известной мере оспаривает это утверждение. Но уже в самом начале, в обращении к королю, Маржерет прямо так и указывает, что его задачей является «исправить ошибку многих, считающих Венгрию границей Христианского мира. Ибо доподлинно могу сказать, что Россия, описание коей я предпринимаю по поручению Вашего Величества, — один из надежнейших редутов Христианского мира, ибо эта Империя, эта страна более обширна, могущественна, населена и изобильна, чем думают, и лучше вооружена и защищена против скифов и иных магометанских народов, чем считают многие. Абсолютная власть государя в своем государстве внушает страх и почтение подданным, а внутри страны хороший порядок и управление защищают ее от постоянных варварских набегов» [28, с. 117; 34, с. 138].

Интересно мнение Маржерета о том, кто такие «скифы». Здесь на него, по-видимому, оказала влияние традиция, и он не привносит ничего нового, называя Россию «Скифией». К скифам Маржерет склонен относить и русских, а не только татар, в чем прослеживается, вероятно, польское влияние. «Российская империя является частью страны, издавна именуемой Скифией, — пишет капитан, — каковым словом «скифы» и сегодня называют татар, которые были некогда сеньорами России». Ниже он уточняет, что есть две России — та, которая под Польшей (Черная Россия) — не Скифия, скифами являются только жители Белой России, носящей титул Империи (в терминологии Маржерета), т.е. Московского царства [28, с. 117].

Вообще, автор довольно подробно и большей частью объективно пишет о России как о стране — ее климате, флоре и фауне. Исключение составляет одно место, где он, по-видимому, полагается на литературную традицию, передавая рассказ, встречающийся еще у Герберштейна, о некоем сказочном астраханском баране — животном-растении, «растущем из земли, соединенном с корнем чем-то вроде идущей от пупа кишки в два-три брасса длиной», который «съедает всю траву вокруг себя, а затем умирает» ([28, с. 119, 199, прим. 35]; ср.: [36, с. 250, 426–428, прим. 183]). В остальном же Маржерет верно называет географические особенности, перечисляет имена многих рек и городов. В книге уже содержатся некоторые сведения о Сибири, которая только начинала осваиваться в те времена русскими: «Область эта полна лесов, чащоб и болот и пока еще совсем не открыта: считают, что одной своей стороной она примыкает к реке Оби. Из этой страны поступает почти вся пушнина, как-то: черные лисы, высоко ценимые в самой стране, соболь и куница, приносящие Императору большой доход. Эту страну начинают уже возделывать и находят ее достаточно плодородной для зерна. Там построены четыре города, где размещены гарнизоны...» [28, с. 119].

При описании климата Маржерет не сгущает красок так, как это иногда делали иностранные писатели: он отмечает, что даже самые холодные северные и западные провинции государства «весьма плодородны, там в изобилии имеются все те же злаки, что и у нас во Франции: рожь там сеют в начале или в середине августа, пшеницу и овес — в апреле или в мае, смотря по продолжительности зимы, и ячмень в конце мая». Далее он рассказывает о том, что в России произрастают разнообразные фрукты и овощи, а именно «изрядно большие дыни, лучшие из тех, что я где-либо ел, много огурцов и хороших яблок и черешен... земляники и подобных плодов там во множестве», водятся «лучшие во всей Европе и более разнообразные сорта пресноводных рыб» (автор приводит латинскими буквами русские названия некоторых из них — «осетр», «белуга», «белая рыба»). Все это, по его словам, «стоит очень дешево, как, впрочем, и все другие съестные припасы». Высоко оценивается качество почвы: «Земля же там сама по себе столь тучна и плодородна, что никогда не удобряется, разве что в некоторых местах, и ребенок двенадцати-пятнадцати лет с одной лошадкой вспахивает за день арпан или два земли». Тема природного изобилия России занимает в книге Маржерета несколько страниц [28, с. 118–122].

Следует признать, что о характере русского народа Маржерет был гораздо менее лестного мнения, хотя и нельзя утверждать, что он чрезмерно предвзят. Устрялов справедливо подмечал, что необходимо «указать точку, с которой должно смотреть на образ мыслей автора о русских XVII века». Маржерет, по словам ученого, «привык судить о вещах по тем ложным правилам, которые были следствием его страннической жизни. Руководствуясь такими правилами, он находил смешное там, где мы видим глубокое, истинное чувство...». Многие нелюбезные суждения о народе уже были упомянуты выше. Целесообразно привести их более подробно и не отрывая от контекста. Сочинение Маржерета не отличается строгой последовательностью изложения, но все же, в общем, можно проследить определенную логику. В самом начале автор говорит о географическом положении и природе страны, затем переходит к краткому описанию ее истории и политического развития. О характере народа появляются отдельные «вкрапления». Так, между «разделом географии» и «истории» Маржерет вдруг высказывается об одной из отрицательных черт русских: «Невзирая на изобилие и дешевизну съестных припасов, простой народ довольствуется очень немногим: иначе он не мог бы удовлетворить издержкам, ибо не знает никакой промышленности, весьма ленив, работы не любит и так предан пьянству, как нельзя более. Русские, желая повеселиться, обыкновенно пьют водку (eau de vie) и медовый напиток (medon)... У них есть также пиво (cervoise) и другие малоценные напитки. Все без различия, мужчины и женщины, маль-

чки и девочки, заражены пороком пьянства, самого неумеренного. Духовенство не уступает мирянам, если еще не превосходит их. Когда только есть хмельное... русские пируют день и ночь, пока всего не осушат» ([36, с. 253], ср.: [28, с. 50–51, 122; 34, с. 148]).

Еще две негативные черты русских того времени, отчетливо высказанные Маржеретом, — это невежество и грубость нравов. Об этом он наиболее резко говорит ближе к концу своего сочинения, в том месте, где пытается оправдать Лжедмитрия от упреков в неуважении русских обычаев. «Этому не нужно удивляться, — пишет капитан, — особенно если принять во внимание нравы и образ жизни, так как они грубы и необразованны, без всякой учтивости, народ лживый, без веры, без закона, без совести, содомиты и запятнаны бесчисленными другими пороками и грубостью» [28, с. 182]. В этих словах чувствуется некоторое преувеличение Маржерета под наплывом эмоций, так как отдельные утверждения противоречат его же собственному предыдущему рассказу о религиозности и чувствительности русских. О невежестве народа он подробно говорит в «разделе о религии», который начинается после рассказа о коронации Бориса Годунова: «...невежество среди народа таково, что и треть не знает, что такое Отче наш или Символ веры. Словом, можно сказать, что невежество — мать их благочестия. Они ненавидят учение и, в особенности, латинский язык. У них нет ни одной школы, ни университета. Только священники обучают молодежь читать и писать, что мало кого привлекает. Большая часть их букв по начертанию — греческие, и почти все их книги писаны от руки, за исключением нескольких печатных Библий и Новых заветов из Польши... Два раза в год там освящаются реки и проточные воды, и после указанного освящения император и вельможи имеют обыкновение прыгать в воду, и я даже видел, как для этого прорубили лед, и император прыгнул туда» [28, с. 128–129].

Очерк о религии в книге очень большой, что вполне естественно в те времена, когда религия «определяла не только нравственные и этические критерии члена общества, но и его идеологические и политические взгляды» [34, с. 22]. Как уже давно было доказано исследователями, Маржерет был не католиком, а протестантом [34, с. 31–37; 26]. Определение его вероисповедания, по словам Ю.А. Лимонова, «объясняет многое в сочинении: политические акценты при описании и даже подборе фактов по истории внешней политики, повышенную заинтересованность при сборе сведений о православной вере, веротерпимости русских», также становится ясно, что автор «был довольно близок с польскими протестантами, пришедшими в Москву вместе с самозванцем», один из которых, секретарь Лжедмитрия Станислав Бучинский, был информатором капитана и, видимо, предназначался в послы к французскому королю. Маржерет упоминает, что этот секретарь, а, воз-

можно, и сам царь (это не вполне ясно из текста) должен был в августе 1606 г. «плыть с английскими кораблями во Францию, дабы приветствовать христианнейшего короля» [28, с. 173]. В очерке о религии весьма важен для историков упоминаемый Маржеретом факт о том, что «хотя крещеными они не признают никого, кто не крестился по греческому обряду, однако освобождают католиков от необходимости перекрещиваться» [28, с. 128, 218, прим. 96].

Но особенный интерес представляют описания Маржеретом русских религиозных обрядов и праздников. К сожалению, не всегда он адекватно их воспринимает, и часто то, что для русских того времени являлось проявлением религиозных чувств, принимает за признак невежественности. Но при этом передает информацию достаточно точно. Наиболее подробно он рассказывает о праздновании масленицы (Маржерет даже передает это слово латинскими буквами — «маслоница») и Пасхи. Вот как капитан описывает «прощенное воскресенье»: «...ходят друг к другу в гости, целуясь, кланяясь и прося друг у друга прощения, если обидели словами или поступками. И даже встречаясь на улице, даже если прежде не делились, целуются, говоря «Прости мене пожалой», что означает «простите меня, пожалуйста», на что отвечают «Бох тиби прости» — «Бог вас простит и меня простите также». В связи с этим автор, между прочим, замечает, что «они целуются не только в эту пору, но всегда, поскольку это — вроде приветствия, принятого у них, как у мужчин, так и у женщин: целоваться при прощании или при встрече после долгой разлуки» [28, с. 131]. Эту эмоциональную черту в характере русских отмечали многие иностранцы, потому что она отличала первых от их соотечественников. Не менее живописен рассказ о праздновании Пасхи: «В день Пасхи и на следующей неделе они ходят друг другу в гости (как и на масленной неделе) и дарят друг другу красные яйца, говоря: «Христус вос Христ», что означает «Христос воскрес», на что другой отвечает: «Ас истен вос Христ», «воистину воскрес», меняют или дарят яйцо и целуются, делая это в знак радости, свидетельствуя о воскресении».

Рассуждая об образе России в сочинении Маржерета, необходимо помнить, что он озаглавил его как «описание всего достопамятного и трагического, случившегося в правление четырех императоров». Поэтому важное место в сочинении занимает политическая история России эпохи Смутного времени. Также подробно рассказывает автор о политических институтах того времени, приводя множество оригинальных русских терминов в латинской транскрипции. Не стоит забывать и о роли личности Лжедмитрия I, интерес к которой во многом спровоцировал появление этого сочинения. Маржерет оказался в числе тех, которые искренне верили, что первый Лжедмитрий был настоящим сыном Ивана Грозного — этим утвержде-

нием завершается книга — и он всячески пытается это доказать, хоть иногда получается это у него неловко.

Лжедмитрия капитан, как, впрочем, и все иностранные писатели, называет не иначе как Дмитрием (Demetrius) и говорит, что он был «большого ума, был милосерден, вспыльчив, но отходчив, щедр; наконец, был государем, любившим честь и питавшим к ней уважение, ...был честолюбив, намеревался стать известным потомству». По утверждению Маржерета, этот Дмитрий ничего общего не имел с так называемым Расстригой (Григорием Отрепьевым), которому было от тридцати пяти до тридцати семи лет, а Дмитрию — от двадцати трех до двадцати четырех. Доказывая, что Дмитрий не был поляком и не мог принадлежать «какой-то иной нации, кроме русской», Маржерет приводит в качестве аргумента совершенное незнание им латыни и, наоборот, прекрасное владение русским языком: «Касательно других возражений, что он неправильно говорил по-русски, я... нахожу, что он говорил по-русски как нельзя лучше, разве только, чтобы украсить речь, вставлял порой польские фразы... А если и были ошибки в произношении некоторых слов, этого недостаточно, чтобы осуждать его, принимая во внимание его долгое отсутствие в стране и с такого юного возраста».

В заключение попытаемся все-таки отделить истину от «стереотипов о стереотипах». Сочинение Маржерета в целом представляется весьма ценным, живо написанным источником по русской истории бурных времен Смуты. В нем содержится много правдоподобных и объективных сведений. При этом совсем не просто объективно и совершенно отстраненно оценивать взгляды Маржерета на русский народ, подтверждением чего является разноголосица и эмоциональность мнений о нем и его сочинении в литературе. Пожалуй, можно согласиться с историком А.О. Чубарьяном в том, что «сочинение Маржерета отражает противоречивость фигуры самого автора, которая повлияла и на содержание его книги» [40, с. 335]. Действительно, в ней можно встретить самые разнообразные мотивы — от идиллии до демонизации.

Несомненно, сочинение стало шагом вперед на пути ознакомления французского общества с рус-

ской культурой. Как мы видели, до этого представления были более туманными: «московиты» представлялись отдаленными и малоизвестными варварами. Несмотря на все нелестные оценки отдельных сторон жизни и быта русского народа, Маржерет развенчивает этот стереотип, показывая, что русские тоже христиане, повествуя об их своеобразной истории, обычаях и порядках. Книга Маржерета была первой основательной книгой о России на французском языке и приобрела популярность. Она стала одним из основных источников для написания раздела, посвященного России, во «Всеобщей истории» Жака де Ту [12, с. 80].

Но хотя большинство описаний современной Маржерету России и русского народа вполне соответствуют действительности, какими бы неприятными ни казались некоторые оценки, в его сочинении можно заметить по крайней мере одну определенную идеологическую тенденцию. Она состоит в убежденности автора в отсталости русской культуры того времени по сравнению с другими европейскими культурами, в том числе с польской. Автор вовсе не выступает против русских как таковых (поэтому его нельзя назвать «русофобом»), но скорее выступает на стороне тех, кто пытается «цивилизовать», по его собственным словам, русский народ. Маржерет сам об этом ясно пишет в заключительной части своего сочинения, словно выдавая свои мысли за мысли царя Бориса Годунова: «Ведь Борис Федорович... ненавидел не столько их, сколько их пороки, и так мало преуспел в их исправлении. Как же мог Дмитрий, который отчасти узнал свет, некоторое время воспитывался в Польше — свободной стране — и среди знатных, по меньшей мере не желать как-то исправить и цивилизовать своих подданных?».

Вместе с тем нельзя преувеличивать влияние этой тенденции на Маржерета. Это сочинение было написано в кратчайший период непрофессиональным писателем, в нем нет строгой логики, встречаются противоречия и разнообразные взгляды. При всем этом оно дает дальнейшую пищу для размышлений над проблемами формирования образа Восточной Европы и так называемого образа варвара в европейской литературной традиции.

Библиографический список

1. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. — 2011. — № 4.
2. Поляков О.Ю. Имагология в междисциплинарном научном пространстве // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. — 2008. — Т. 2, №4.
3. Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. — Киров, 2013.
4. Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1.
5. Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — №3.

6. Козулин В.Н. Англия начала XVII века глазами русских // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2015. — № 4/1. DOI:10.14258/izvasu(2015)4.1-24
7. Козулин В.Н. Англия в эпоху революции середины XVII в. глазами русских // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2015. — № 4/2. DOI:10.14258/izvasu(2015)4.2-16
8. Поршнева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская науч. конференция, посвященная 90-летию А.В. Бакунина: в 2 т. — Екатеринбург, 2014. — Т. I.
9. Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. — М., 1976.
10. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. — М., 1982.
11. *Studia Imagologica*. Amst. — N.Y., 1992–2014. — Vol. 1–23.
12. Козулин В.Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI — начало XVII в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2016. — №2. DOI:10.14258/izvasu(2016)2-13
13. Козулин В.Н. Образ «Великой Руси» и русских в сочинении рыцаря Гильберта де Ланноа // Известия Алтайского гос. ун-та. 2017. №2. DOI:10.14258/izvasu(2017)2-29
14. Mérimée P. *Épisode de l'histoire de Russie. Les Faux Démétrius*. 3-me éd. — P., 1875.
15. Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников, по России. — М., 1864. — Ч. II
16. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII века). — М., 1976.
17. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1866.
18. Арутюнова Ж.М., Линькова Е.В. Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. — 2016. — 15/1.
19. Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке / пер. с франц. А. Терещенко. — М., 2017.
20. Жордания Г.Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. — Тбилиси, 1959. — Ч. I.
21. Преображенский В.Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I: Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию // Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та. — 1945. — Вып. VII.
22. Франция и Россия: Век XVII / отв. ред. К.Ю. Кашлявик. — Н. Новгород, 2016.
23. Kirchner W. *Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650)* // *Revue historique*. — Т. CCII. — 1949.
24. Le Glay A. *Origines historiques de l'alliance franco-russe. Première série. Depuis les origines jusqu'au traité d'Amsterdam (1717)*. — P., 1897.
25. Mansuy A. *Le Monde slave et les classiques français aux XVI–XVII siècles*. — P., 1912.
26. Dunning Ch.S.L. *Quand un Français redécouvrait la Russie* // *Revue historique*. Т. CCLXXII/2 (oct.–déc. 1984).
27. Worth D.S. *The French Captain's Russian* // *Russian Linguistics*. — Vol. 5, №3 (Aug. 1981).
28. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. А. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. — М., 2007.
29. *Un mousquetaire à Moscou. Mémoires sur la première révolution russe, 1604–1614* / éd. avec des notes par A. Bennigsen. — P., 1983.
30. *Un mosquetero en Moscu*. Jacques Margeret. — Laia, 1989.
31. Margeret. *The Empire and Grand Duchy of Moscow. A 17th-century French Account* / Transl. and ed. by Ch.S.L. Dunning. Pittsburgh, 1983.
32. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в начале XVII века с присовокуплением известий о достопамятных событиях, случившихся в правление четырех Государей, с 1590 года по сентябрь 1606. Сочинение капитана Маржерета, капитана гвардии Дмитрия Самозванца / пер. с фр., предисл. и прим. Н.Г. Устрялова. — СПб., 1830.
33. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 году / пер. с фр., вступ. ст. И.Н. Бороздина. — М., 1913.
34. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / сост. Ю.А. Лимонов. — М., 1982.
35. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / под ред. Ю.А. Лимонова. — Л., 1986.
36. Устрялов Н.Г. Сказания современников о Димитрии Самозванце. 3-е изд., испр. Ч. I: Бер, Паерле, Маржерет и Де-Ту. — СПб., 1859.
37. Пирлинг П. Из Смутного времени. Статьи и заметки. — СПб., 1902.
38. *Mémoires de Maximilien de Béthune, duc de Sully, principal ministre de Henri le Grand*. Nouvelle édition, revue et corrigée. — Т. VIII. — L., 1767.
39. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с фр. Н. Любимова. — М., 1961.
40. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. — Саратов, 2003.
41. Чубарьян А.О. Российский европеизм. — М., 2005.
42. Буровский А.М. Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии. — М., 2010.
43. Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. — 2-е изд., испр. — М., 2009.
44. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. — Л., 1925.